

УДК 801.81(470.11)(045)

ЧЕПИЛЬ Анастасия Руслановна, аспирант кафедры литературы института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 3 научных публикаций

ОСОБЕННОСТИ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОЛЕВОГО ДВИЖЕНИЯ г. АРХАНГЕЛЬСКА: К ПРОБЛЕМЕ УСТНОЙ ТРАДИЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДА

Работа посвящена устной традиции современного города и освещает механизмы групповой идентификации в среде молодежной субкультуры. Автор исследует оппозицию «свой/чужой» в текстах саморепрезентации на примере субкультуры ролевого движения. Центральным образом подобных текстов становится «мифологизированный ролевик», чей вымышленный образ является продуктивным для создания фольклорных текстов данного сообщества.

Ключевые слова: субкультура, устная традиция, групповая самоидентификация, оппозиция «свой/чужой», саморепрезентация, мифологизация.

Современное общество характеризуется сложной многослойной структурой: различные способы деления социума на группы происходили еще в древности, по возрастному, гендерному, профессиональному и другим признакам. Современные исследователи выделяют сообщества, характеризующиеся собственной философией, традициями, обрядами и атрибутикой; такие сообщества получили название «субкультура».

Среди молодежи широко распространены субкультуры, основанные на сходстве музыкальных, литературных, философских предпочтений, которые формируют у представителей общую модель отношения к миру и окружающими людям. Эта модель уникальна для каждой субкультуры, однако можно говорить об

универсальных механизмах, действующих внутри подобных групп: субкультура строится на обособлении от общества людей со сходными интересами, из данного намерения развивается сознание групповой идентичности, возникает стремление к самоидентификации.

Проблема функционирования субкультур в обществе традиционно рассматривалась в науке с точки зрения социологии, культурологии и социальной антропологии, однако в настоящее время субкультуры активно изучаются как объект фольклористики, в аспекте проблемы устной традиции современного города. Н.В. Драникова в монографии «Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая система» пишет: «В условиях города происходит

трансформация крестьянской фольклорной традиции. <...> Вербальный материал, описывающий пространство города, – одна из граней картины мира»¹. Картина мира, по словам К.С. Ярцевой, является своего рода защитным механизмом, который: «помогает определять источники зла и добра (те объекты или субъекты, взаимодействия с которыми угрожают или способствуют поддержанию жизни индивида или социума) и формирует «мы-образ»². Представления, формирующие картину мира, наиболее полно отражаются через язык, на всех его структурных уровнях.

И.А. Разумова в статье «О междисциплинарном подходе в изучении и собирании устных нарративов» отмечает, что предметное поле фольклористики расширяется: «становится все более гетерономной. В качестве объекта исследования выступают, в частности, в разной степени стабилизировавшиеся нарративы, которые располагаются в широком континууме от текстов-«репортажей» до мифологических повествований, полностью отделенных от повествователя»³.

В работе «Семейный фольклор в образовательном пространстве (вопросы собирания)», исследовательница говорит об особенном внимании при изучении семейного фольклора к словесному общению в семье: «Поскольку именно вербальная коммуникация является <...> важнейшим средством поддержания группового единства»⁴. Данное утверждение применимо и в сфере изучения субкультуры; как пишет М.Л. Лурье, говоря о субкультуре солдат срочной службы, отмечает среди «форм семиотического поведения» «рассказывание дедами молодым эпических историй о былой дедовщине»⁵. И.Н. Веселова пишет, что «Устный рассказ во всем разнообразии <...> составляет существенную часть речевой повседневности современного горожанина. Рассказы – самая распространенная форма вербальной межличностной коммуникации»⁶.

Таким образом особое внимание следует уделять устным текстам, бытующим в среде субкультуры, поскольку они являются средством

создания групповой идентичности. Оппозиция свой/чужой, лежащая в основе групповой идентификации, наиболее ярко выявляется в текстах саморепрезентации членов данных групп. Приведем несколько примеров, собранных среди представителей *ролевого движения* в результате беседы по опроснику и включенного наблюдения; информантам было предложено описать «типичного ролевика»:

Максим (24 года): типичный *ролевик* «широковат в плечах, крупноват, скорее всего, бодротатый, вечно пьющий».

Евгения (22 года): «Длинные волосы, скорее всего какая-нибудь хайратка [повязка на голову из ткани или другого материала], фенечки [самодельные украшения], бесконечная любовь ко всякой фэнтези-литературе, любовь к бардовской песне, попытки написать стихи – не стихи, а что-нибудь в этом духе, играет на чем-нибудь, что можно потащить в лес, собственно любит ездить в этот лес, некоторая романтичность натуры, пьющий».

Наталья (21 год): «Легкость в жизни, также потом своеобразное чувство юмора, большое количество друзей. Дома всегда валяется куча барахла, начиная от палатки, заканчивая какой-нибудь непонятной ролевой шмоткой, над которой не спал несколько ночей».

Олег (23 года): «Косуха, длинные немытые волосы, что еще, ковыряло [макет меча из металла или дерева] какое-нибудь с одной стороны, с баклахой пива с другой стороны, по существу, типичный ролевик – он, несмотря на все это, творческая личность, романтик».

Евгений (23 года), для *ролевика* характерно: «Сейчас слово найду, самовыражение, отражение собственных желаний, протест против обыденного – это самое такое, если не брать банального».

Ксения (25 лет): «Хорошо развитая фантазия, в первую очередь. Так, в принципе, отчасти чувство юмора и, наверное, упорство».

Приведенные тексты отражают общую тенденцию описания «типичного ролевика»; перед нами стандартизированный образ, отличающийся чертами, нехарактерными для «обычного» чело-

века. *Ролевик* похож на персонажа исторического романа или сказочной истории: у него длинные волосы, он крупнее или выше «обычного» человека, бородат, носит при себе меч, у него дома все готово для *ролевой игры* или для путешествия в иную реальность.

Ему может приписываться девиантный образ жизни: *ролевик* – «пьющий», «с баклахой пива»; вместе с этим образ *ролевика* всегда маркирован положительно: у него много друзей, он наделен чувством юмора, упорен, романтик, относится к жизни легко, даже об отрицательных чертах *ролевика* сообщается с улыбкой. *Ролевик* – человек «не от мира сего»: он отличается любовью к книгам в жанре фэнтези, пишет стихи, играет на музыкальном инструменте, его музыкальные вкусы отличаются от общепринятых. *Ролевик* олицетворяет собой «протест против обыденного»: он умеет фантазировать, является творческой натурой.

Вместе с этим практика наблюдения за жизнью *ролевого сообщества* показывает, что указанные «типичные» черты не являются обязательными для члена сообщества. Можно говорить о существующем в сознании представителей субкультуры *ролевого движения* мифологизированном образе *ролевика*, который отвечает общей этике и системе ценностей сообщества и его о позиции по отношению к «массовой культуре» (участники *ролевого движения* противопоставляют свою группу социуму по принципу обыденное/романтическое).

В описаниях бородатого, грязного, пьющего *ролевика* мы наблюдаем созданную участниками *ролевого движения* пародию на собственный образ жизни, которая «непосвященному» будет казаться действительностью; механизм самоиронии и самопародирования в данном случае является способом защиты от «чужого». Данный образ рождается в противовес нормам общества, потому что, как отмечает Т.Б. Щепанская: «анти-норма», по сути, код коммуникативного барьера⁷.

Мифологизируется и герой текстов, бытующих внутри данного сообщества. В результате интервью и наблюдения нами было собрано

более 30 текстов, в которых рассказывается о соприкосновении *ролевого* и внешнего мира. Ядром данной тематической группы являются рассказы, сюжет которых завязан на встрече *ролевика* (нескольких *ролеви́ков*) в процессе *ролевой игры* с «обычным» человеком или группой людей, которые пугаются *ролеви́ков* по различным причинам (неопрятный вид, необычное поведение, одежда или грим последних), то есть, описывающие ситуацию «отторжения».

Действующим лицом этих текстов является фигура, соотносимая с образом «типичного ролевика», обладающая чертами, повторяющимися в описании, независимо от того, от какого лица идет повествование. В описании внешности *ролевика* присутствуют клишированные формулы: «в ролевом прикиде», «в полном доспехе», «грязный», «в гриме». При этом возникают логические несоответствия, которым не уделяется внимание в рассказах, но которые говорят в пользу стандартизированности сюжетов и героев (несоответствие возраста рассказчика и давности событий, неправдоподобная реакция «чужого», нарушение логики в поведении *ролевика*).

Данные истории характеризуются стереотипным сюжетом, включающим в себя формулы достоверности в начале или в конце текста, при рассказывании, особое внимание слушателей обращается на подчеркнuto «игровой» внешний вид героев; описание реакции «обыкновенных» людей при встрече с *ролеви́ками* происходит подчеркнuto эмоционально. Основные функции этих текстов: интегративная (погружение неофита в ролевую среду), функция самоидентификации и группового размежевания, регулирующая функция (в текстах освещается схема взаимоотношения субкультуры и общества).

Таким образом отличительной особенностью текстов саморепрезентации представителей *ролевого движения* является формирование в устной традиции мифологизированной фигуры – клишированного образа, продуктивного при дальнейшем создании текстов значимых для сообщества и способствующих поддержанию групповой идентичности.

Примечания

¹ Дранникова Н.В. Локально-групповые прозвища в традиционной культуре Русского Севера. Функциональность, жанровая система. Архангельск, 2004. С. 271.

² Ярцева К.С. Понятие «картины мира». Адаптивная функция картины мира // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2010. № 4. С. 88.

³ Разумова И.А. О междисциплинарном подходе в изучении и собирании устных нарративов // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология: материалы VI междунар. шк. молодого фольклориста. 22–24 ноября 2003 года / отв. ред. В.М. Гацак, Н.В. Дранникова. Вып. 2. Архангельск, 2004. С. 19.

⁴ Разумова И.А. Семейный фольклор в образовательном пространстве (вопросы собирания) // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология... С. 28.

⁵ Лурье М.Л. Обряды и обрядовый фольклор солдат срочной службы: подход к систематизации // Фольклор, постфольклор, быт, литература: сб. ст. к 60-летию А.Ф. Белоусова. СПб., 2006. С. 97.

⁶ Веселова И.Н. Жанры современного городского фольклора: повествовательная традиция: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. С. 1.

⁷ Щепанская Т.Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М., 2004. С. 116.

Chepil Anastasia Ruslanovna

Postgraduate Student of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Institute of Philology and Cross-Cultural Communication

FEATURES OF ARKHANGELSK ROLE-PLAY GAMERS' SELF-REPRESENTATION: TO THE PROBLEM OF MODERN CITY ORAL TRADITION

The research is devoted to the oral tradition of a modern city and describes mechanisms of group identification in a youth subculture. The author researches "Us vs. Them" opposition in self-representation texts as exemplified by the role-play subculture. A central figure in such texts is a "mythologized role-player" whose fictional image is used to create folklore texts in this community.

Key words: *subculture, oral tradition, group self-identification, "Us vs. Them" opposition, self-representation, mythologization.*

Контактная информация:
e-mail: chip29ru@mail.ru

Рецензент – Дранникова Н.В., доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и диалектологии института филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова